

Муниципальный этап Всероссийской олимпиады школьников по литературе
10 класс

Задание 1. (Вариант задания № 1 — по выбору участника)

Вариант 1. Выполните целостный анализ рассказа Н.А. Тэффи. «Мой первый Толстой». Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Н.А. Тэффи. Мой первый Толстой

Я помню. Мне девять лет.

Я читаю «Детство и отрочество» Толстого. Читаю и перечитываю.

В этой книге все для меня родное.

Володя, Николенька, Любочка – все они живут вместе со мною, все они так похожи на меня, на моих сестер и братьев. И дом их в Москве у бабушки – это наш московский дом, и когда я читаю о гостинной, диванной или классной комнате, мне и воображать ничего не надо – это все наши комнаты.

Наталья Саввишна – я ее тоже хорошо знаю – это наша старуха Авдотья Матвеевна, бывшая бабушкина крепостная. У нее тоже сундук с наклеенными на крышке картинками. Только она не такая добрая, как Наталья Саввишна. Она ворчунья. Про нее старший брат даже декламировал: «И ничего во всей природе благословить он не хотел».

Но все-таки сходство так велико, что, читая строки о Наталье Саввишне, я все время ясно вижу фигуру Авдотьи Матвеевны.

Все свои, все родные.

И даже бабушка, смотрящая вопросительно строгими глазами из-под рюша своего чепца, и флакон с одеколоном на столике у ее кресла, – это все такое же, все родное.

Чужой только гувернер St-Jerome, и я ненавижу его вместе с Николенькой. Да как ненавижу! Дольше и сильнее, кажется, чем он сам, потому что он в конце концов помирился и простил, а я так и продолжала всю жизнь.

«Детство и отрочество» вошло в мое детство и отрочество и слилось с ним органически, точно я не читала, а просто прожила его.

Но в историю моей души, в первый расцвет ее красной стрелой вонзилось другое произведение Толстого – «Война и мир».

Я помню.

* * *

Мне тринадцать лет.

Каждый вечер, в ущерб заданным урокам я читаю и перечитываю все одну и ту же книгу – «Война и мир».

Я влюблена в князя Андрея Болконского. Я ненавижу Наташу, во-первых, оттого, что ревную, во-вторых, оттого, что она ему изменила.

– Знаешь, – говорю я сестре, – Толстой, по-моему, неправильно про нее написал. Не могла она никому нравиться. Посуди сама – коса у нее была «негустая и недлинная», губы распухшие. Нет, по-моему, она совсем не могла нравиться. А жениться он на ней собрался просто из жалости.

Потом, еще мне не нравилось, зачем князь Андрей визжал, когда сердился. Я считала, что Толстой это тоже неправильно написал. Я знала наверное, что князь не визжал.

Каждый вечер я читала «Войну и мир».

Мучительны были те часы, когда я подходила к смерти князя Андрея.

Мне кажется, что я всегда немножко надеялась на чудо. Должно быть, надеялась, потому что каждый раз то же отчаяние охватывало меня, когда он умирал.

Ночью, лежа в постели, я спасала его. Я заставляла его броситься на землю вместе с другими, когда разрывалась граната. Отчего ни один солдат не мог догадаться толкнуть его? Я бы догадалась, я бы толкнула.

Потом посылала к нему всех лучших современных врачей и хирургов.

Каждую неделю читала я, как он умирает, и надеялась, и верила чуду, что, может быть, на этот раз он не умрет.

Нет. Умер! Умер!

Живой человек один раз умирает, а этот вечно, вечно.

И стонало сердце мое, и не могла я готовить уроков. А утром... Сами знаете, что бывает утром с человеком, который не приготовил урока!

И вот наконец я додумалась. Решила идти к Толстому, просить, чтобы он спас князя Андрея. Пусть даже женит его на Наташе, даже на это иду, даже на это! – только бы не умирал!

Спросила гувернантку – может ли автор изменить что-нибудь в уже напечатанном произведении. Та ответила, что как будто может, что авторы иногда для нового издания делают исправления.

Посоветовалась с сестрой. Та сказала, что к писателю нужно идти непременно с его карточкой и просить подписать, иначе он и разговаривать не станет, да и вообще с несовершеннолетними они не говорят.

Было очень жутко.

Исподволь узнавала, где Толстой живет. Говорили разное – то, что в Хамовниках, то, что будто уехал из Москвы, то, что на днях уезжает.

Купила портрет. Стала обдумывать, что скажу. Боялась – не заплакать бы. От домашних свое намерение скрывала – осмеют.

Наконец решилась. Приехали какие-то родственники, в доме поднялась суетня – время удобное. Я сказала старой няньке, чтобы она проводила меня «к подруге за уроками», и пошла.

Толстой был дома. Те несколько минут, которые пришлось прождать в передней, были слишком коротки, чтобы я успела удрать, да и перед нянькой было неловко.

Помню, мимо меня прошла полная барышня, что-то напевая. Это меня окончательно смутило. Идет так просто, да еще напевает и не боится. Я думала, что в доме Толстого все ходят на цыпочках и говорят шепотом.

Наконец – он. Он был меньше ростом, чем я ждала. Посмотрел на няньку, на меня. Я протянула карточку и, выговаривая от страха «л» вместо «р», пролепетала:

– Вот, плюсили фотоглафию подписать.

Он сейчас же взял ее у меня из рук и ушел в другую комнату.

Тут я поняла, что ни о чем просить не смогу, ничего рассказать не посмею, и что так осрамилась, погибла навеки в его глазах, со своим «плюсили» и «фотоглафией», что дал бы только Бог убраться подобру-поздорову.

Он вернулся, отдал карточку. Я сделала реверанс.

– А вам, старушка, что? – спросил он у няньки.

– Ничего, я с барышней. Вот и все.

Вспоминала в постели «плюсили» и «фотоглафии» и поплакала в подушку.

* * *

В классе у меня была соперница, Юленька Аршева. Она тоже была влюблена в князя Андрея, но так бурно, что об этом знал весь класс. Она тоже ругала Наташу Ростову и тоже не верила, чтобы князь визжал.

Я свое чувство тщательно скрывала и, когда Аршева начинала буйствовать, старалась держаться подальше и не слушать, чтобы не выдать себя.

И вот раз за уроком словесности, разбирая какие-то литературные типы, учитель упомянул о князе Болконском. Весь класс, как один человек, повернулся к Аршевой. Она сидела красная, напряженно улыбающаяся, и уши у нее так налились кровью, что даже раздулись.

Их имена были связаны, их роман отмечен насмешкой, любопытством, осуждением, интересом – всем тем отношением, которым всегда реагирует общество на каждый роман.

А я, одинокая, с моим тайным «незаконным» чувством, одна не улыбалась, не приветствовала и даже не смела смотреть на Аршеву.

Вечером села читать о его смерти. Читала и уже не надеялась, и не верила в чудо.

Прочла с тоской и страданием, но не возропала. Опустила голову покорно, поцеловала книгу и закрыла ее.

– Была жизнь, изжилась и кончилась.

Вариант 2. Выполните целостный анализ стихотворения К. Д. Бальмонта «Осень (Поспеваает брусника...)». Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Поспеваает брусника,
Стали дни холоднее,
И от птичьего крика
В сердце стало грустнее.

Стаи птиц улетають
Прочь, за синее море.
Все деревья блистають
В разноцветном уборе.

Солнце реже смеется,
Нет в цветах благовонья.
Скоро Осень проснется
И заплачет спросонья.

Задание 2.

В наше время существует множество разнообразных учебников по предметам школьной программы.

А каким вы представляете свой «идеальный» учебник литературы? Какие материалы (в том числе иллюстративные) вы предложили бы школьникам для знакомства? Приведите пример творческого задания для школьников среднего звена.